

Хакуашева Мадина Андреевна, Борова Асият Руслановна

НЕОМИФОЛОГИЗМ СОВРЕМЕННОЙ АДЫГСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья поднимает важную проблему ассимиляции мифофольклорных образов и мотивов как национального, так и мирового наследия современными национальными литературами (на примере адыгской). Более всего это касается мотива жертвоприношения и его сходных версий. Ведущими мотивами романов-мифов, нового направления в современной адыгской литературе, являются жертвоприношение, предапокалипсис и апокалипсис, весьма распространенные в рамках мирового фольклора и литературы. Подобную тенденцию следует рассматривать как ответ на объективные вызовы XX и XXI веков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 1. С. 23-26. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Базиева Г. Д.** Миф – фольклор – литература: современные взаимосвязи // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2003. Вып. 10. С. 100-110.
4. **Биттирова Т. Ш.** Карачаево-балкарские деятели культуры начала XX века // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – нач. XX в. Избранное: в 2-х томах. Нальчик: Эльбрус, 1996. Т. 2. С. 3-10.
5. **Биттирова Т. Ш.** Карачаево-балкарские просветители. Нальчик: Эльбрус, 2002. 108 с.
6. **Гамзатов Г. Г.** Фольклор. Мера историзма. Махачкала: Изд-во «Наука ДНЦ», 2010. 370 с.
7. **Гулиева (Занукова) Ф. Х.** Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 152 с.
8. **Джамбекова Т. Б.** Фольклор как источник чеченской прозы XX века. Майкоп: Издательство МГТУ, 2010. 236 с.
9. **Культурная революция в СССР** [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0 (дата обращения: 17.02.2016).
10. **Малкондуев Х. Х.** Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 2001. 174 с.
11. **Мамиева И. В.** Мифолого-религиозные представления осетин: поэтика отражений // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: материалы международной научной конференции, посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства: в 2-х частях. Элиста: НПП «Джангар», 2009. Ч. 2. С. 108-113.
12. **Медриш Д. Н.** Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/38273/Medrish__Literatura_i_fol%27klornaya_tradicija%2C_Voprosy_poetiki.html (дата обращения: 12.05.2015).
13. **Очерки истории балкарской литературы.** Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1981. 400 с.
14. **Сарбашева А. М.** Поэтика балкарской драматургии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 148 с.
15. **Сарбашева А. М.** Формирование историзма мышления и балкарский роман. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2001. 148 с.
16. **Тегуев Б. И.** Карачаево-балкарская авторская поэзия второй половины XIX – начала XX века. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. 340 с.
17. **Толгуров З. Х.** В контексте духовной общности. Нальчик: Эльбрус, 1991. 208 с.
18. **Узденова Ф. Т.** Поэма в литературах народов Северного Кавказа. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. 124 с.
19. **Цыбикова Б.-Х. Б.** Особенности жанра исторических преданий на примере устных рассказов о поездке бурят к Петру I // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7. Ч. 2. С. 196-199.
20. **Эски къарачай-малкъар адабият (традиционная карачаево-балкарская литература)** / сост. Т. Ш. Биттирова. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2002. 304 с.

SPIRITUAL HERITAGE DEACTUALIZATION AT THE STAGE OF BALKAR LITERATURE FORMATION AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Sarbasheva Alena Mustafaevna, Doctor in Philology
Kabardian-Balkarian Institute of Humanities Researches
kbigi@mail.ru

The article deals with the difficulties of the interaction of Balkar literature with spiritual heritage at the beginning of the XX century. The mentioned period is characterized by the deactualization of the national component, and the separation of the creative traditions of writers-enlighteners as a consequence of ideological press. It is noted that in the contradictory conditions of cultural reconstruction folklore turned out to be a resistant factor in preserving the integrity of the evolutionary process of the national literature.

Key words and phrases: spiritual heritage; literature; ethno-cultural component; evolution; tradition; folklore.

УДК 82/821.35.0

Статья поднимает важную проблему ассимиляции мифофольклорных образов и мотивов как национально-мирового наследия современными национальными литературами (на примере адыгской). Более всего это касается мотива жертвоприношения и его сходных версий. Ведущими мотивами романов-мифов, нового направления в современной адыгской литературе, являются жертвоприношение, преапокалипсис и апокалипсис, весьма распространенные в рамках мирового фольклора и литературы. Подобную тенденцию следует рассматривать как ответ на объективные вызовы XX и XXI веков.

Ключевые слова и фразы: миф; фольклор; роман-миф; повесть-притча; жертвоприношение; мотив; образ; сюжет.

Хакушева Мадина Андреевна, д. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
dinaarima@mail.ru

Борова Асият Руслановна, к. филол. н., доцент
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова
assbora@mail.ru

НЕОМИФОЛОГИЗМ СОВРЕМЕННОЙ АДЫГСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Все периоды развития литературы: античность, Возрождение, классицизм, Просвещение, романтизм, критический реализм – характеризовались своеобразным преломлением мифа. Поэтому говорить о внезапном

пробуждении интереса к мифу невозможно. Скорее, эту тенденцию можно назвать его переосмыслением. Кризис позитивизма, разочарование в метафизике и аналитических путях познания, идущее еще от романтизма, критика общества потребления как беспринципного, безгеройного, во многом антиэстетического, породили попытки вернуть «целостное», преобразующее мироощущение, воплощенное в мифе.

В культуре конца XIX века возникают, особенно под влиянием Р. Вагнера и Ф. Ницше, «неомифологические» устремления, весьма разнообразные по своим проявлениям, социальной и философской природе; они во многом сохраняют свое значение и для всей культуры XX – начала XXI века. Элементы мифологических структур мышления проникают в философию (Ницше, Вл. Соловьев, позже – экзистенциалисты), психологию (З. Фрейд, К. Юнг), в работы об искусстве. С другой стороны, искусство, ориентированное на миф (символисты, в начале XX века – экспрессионисты), тяготеет к философским и научным обобщениям. Например, у Т. Манна и Д. Джойса определяющим в творчестве явилось влияние К. Юнга.

Вторая половина XX века была отмечена небывалым расцветом латиноамериканской литературы. Лучшие из произведений составили замечательные оригинальные образцы, ставшие классикой (произведения Г. Г. Маркеса, Х. Л Борхеса, Х. Кортасара, Ж. Амаду, К. Фуэнтеса и др.).

Но наряду с этим явлением набрала силу и испытала настоящий взлет литература скандинавских стран. Мировую известность приобрел норвежец Юхан Борген. Проникновение мифа в шведскую литературу настолько выражено и распространено, что позволительно говорить уже о мифологическом литературном течении Швеции. Э. Юнсон и Х. Мартинсон, П. Лагерквист и Л. Юлленстен – блестящая четверка, представляющая жанр мифа в современной шведской литературе.

Литературный миф привлекает, очевидно, не только возможностью безграничного расширения сюжета за рамки времени и пространства, ориентацией на вневременные ценности и константы, но и независимостью от социальной конкретности. Мировая популярность романа-мифа, повести-притчи нагляднее всего доказывает независимую роль литературы. Она не объясняет социальные, политические, идеологические проблемы жизни вообще, а созидает свою собственную жизнь [9].

Возродившийся интерес к мифу во всей литературе XX века проявился в трех основных формах. Резко усиливается идущее от романтизма использование мифологических образов и сюжетов. Иногда из традиционного мифа заимствуется лишь композиция, заполняемая иным или даже противоположным содержанием. Наконец, используются лишь ссылки на события, героя и т.п. При этом в связи с выходом на арену мировой культуры искусства неевропейских народов значительно расширяется круг мифов и мифологий, на которые ориентируются европейские художники. Искусство народов Азии, Африки, Южной Америки начинает восприниматься не только как эстетически полноценное, но в известном смысле как высшая норма. Отсюда – резкое повышение интереса к мифологии этих народов, в которой видят средство декодирования соответствующих национальных культур. Наиболее ярко, однако, специфика современного обращения к мифологии проявилась в создании (1920-30 гг.) таких произведений, как «романы-мифы», «повести-мифы» (притчи), «поэмы-мифы». Миф сталкивается, сложно соотносится либо с другими мифами, либо с темами истории и современности. С этой целью возникла необходимость ввести понятие интертекста (французская школа), то есть введение в текст различных тем из наиболее показательных объектов литературы и искусства, семиотизирующегося как некий текст (или совокупность текстов). Наиболее показательным в этом смысле является, например, творчество Д. Гарднера, Д. Джойса, Т. Манна. Два последних автора являются крупнейшими представителями мифологического романа XX века, в идейной направленности противостоящими друг другу.

Специфично мифотворчество австрийского писателя Франца Кафки (романы «Процесс», «Замок», новеллы). Сюжет и герои имеют у него универсальное значение, герой моделирует человечество в целом, а в терминах сюжетных событий описывается и объясняется мир.

К мифу обращались крупнейшие мастера литературы – Т. Уильямс, Ж.-П. Сартр, Г. Кайзер, П. Гауптман, У. Голдинг, Р. Бах.

Миф в литературе XX века неоднократно обнаруживает себя в творчестве экзистенциалистов. Достаточно назвать произведения Ж.-П. Сартра («Мухи»), Ж. Ануя («Медя», «Антигона»), Г. Носсака («Ниткийя»), кинематографические интерпретации античных сюжетов («Странствия Одиссея», «Сатирикон»).

Вполне закономерно, что центральными темами мировой литературы XX века становятся война, насилие. Зачатую они обретают форму литературного мифа, который выстраивается с привлечением апокалиптических или преапокалиптических мотивов. В связи с этим возникает тема искупления, жертвы, которая чаще всего прямо или косвенно ассоциируется с библейскими персонажами, в первую очередь – образом Иисуса Христа.

Характерно, что эти мотивы получают распространение не только в произведениях мировой литературы, но и (как частное проявление общей тенденции) в художественных произведениях представителей национальных литератур, в том числе у современных адыгских авторов.

В частности, роман в стихах «Мывэ лъэханэ» («Каменный век», 1985) кабардинского поэта Х. Бештокова [1] посвящен войне двух древних племен. В войне Дореев и Эминеев нет победителей, но проигравшими оказываются все: люди обоих племен погибают, кроме случайно оставшегося в живых юноши Ану. Типичный межплеменной конфликт можно рассматривать как миметический или жертвенный кризис, который разрешился военным столкновением. Период «каменного века» в контексте романного хронотопа можно рассматривать как эпоху, которая еще не утвердила ритуализированное жертвоприношение – обряд, который предупреждал тотальное кровопролитие. Характерно, что неким демоническим символом кризиса можно считать образ Псомордога.

С появлением первого романа-мифа «Каменный век» в кабардинской литературе берет начало новая тенденция – неомифологизм.

Примерно та же семантика и форма романа-мифа становятся определяющими для романа адыгейского писателя Ю. Чуюко «Сказание о Железном Волке» [10]. Зловещий образ Железного Волка в пространстве романа подвержен бесконечным трансформациям, он мимикрирует, без усталости меняет маски, за которыми прячется зло. Свойства и черты Железного Волка органически ассимилированы в контекст повседневной жизни, они рассыпаны повсюду, невидимо просачиваются во все сферы жизни, сгущаются, уплотняются по мере развития романного повествования, определяя состояние времен преапокалипсиса. Зло в современном мире становится неразличимым, протейным. Оно обретает образ оборотня, который занимает центральное место в новой адыгской литературе. Символом зла выступает и Черная гора из одноименной повести-притчи адыгейского автора Н. Куека [8]. Она способна к бесконечным метаморфозам так же, как Железный Волк и Псомордый.

Состояние адыгского мира (под условным названием Хакуж – старая родина) перед очередным Мировым потоком становится центральной темой одноименной повести «Всемирный потоп» кабардинского русскоязычного писателя М. Емжука [5]. Автор намеренно останавливает свой выбор на персонажах, которые так или иначе отмечены «божьей искрой», «избраны», являются проводниками сакрального помысла и воли. Именно они наиболее чутки и восприимчивы к любым переменам накануне грядущей катастрофы. Именно через них становится очевидным тот огромный, зияющий разрыв, который образовался между должной и не должной жизнью людей. Должная, прописанная свыше жизнь, так и осталась невоплощенной, реальностью же стали деформированные портреты и судьбы, подмененные жизни, непонятая, нераскрытая, никому не нужная возвышенность, как отринутый знак богоизбранности. Истинные герои, запрограммированные стать духовными народными спасителями, лидерами, учителями, превращаются в свое жалкое подобие, оказываются лишь бледными тенями тех, кем должны были быть.

Другой роман М. Емжука – «Ночь Кадар, или Который справа» [6] – основан на библейском мотиве, связанном с распятием Христа. Он своеобразно вписан в структуру художественного текста, как возвращение к одной и той же сцене казни Спасителя. Авторская интерпретация жертвоприношения заключается в общем характере жертвы Христа, которая распространяется на всех остальных распятых. Частица сына Божьего заключена в каждом из них, шире – в каждом человеке, именно поэтому искупление становится реальностью для каждого, и вместе с тем – для всего человечества. «Тот, кто справа» – Спаситель, распятый на соседнем правом столбе от преступника и просящий за тех, кто его казнит («Отче, прости их, ибо не ведают, что творят»).

Апокалипсический мотив заложен в основе романа «Абраг» другого русскоязычного адыгского автора Дж. Кошубаева [7]. Этимологию этнонима объясняет А. Гадагатль: «Мотив наказания богом людей – провала сквозь землю за их дерзость – проходит во многих преданиях адыгов, причем сказители, как правило, их приурочивают к известным им озерам. Кроме того, среди адыгов наблюдается много пословиц, поговорок и проклятий... В Адыгее, недалеко от левобережной реки Кубани, в районе Казанукай и Едэпсыкуай I имелось озеро «Хьумэджый», происхождение которого объясняется провалом сквозь землю аула, находившегося некогда здесь: своим поведением жители аула навлекли на себя гнев бога, за что он их жестоко наказал» [3, с. 186]. Автором приводится аналогичное предание, изложенное Крым-Гиреем: в районе Цээмэза (Цемез, ныне – Новороссийск) имеется озеро Избрагъу (Абраг), окруженное горами. Согласно адыгскому преданию, пишет Крым-Гирей, раньше на его месте располагался аул Абраг. Жители его были необыкновенно богаты, так что, наподобие жителей Сибариса, вошли в поговорку. Абрагцы вскоре позабыли запреты бога, во время игрищ начали использовать хлеб вместо камней, а вместо глины пользовались тестом. (Тот же мотив используется М. Емжуком в повести «Всемирный потоп».) Бог наказал жителей Абрага: все они на рассвете были погребены под разверзшейся землей: спасся только какой-то праведник со своим семейством, выведенный ангелом в другое ущелье. На месте аула образовалось озеро [Там же]. Адыгская легенда выполняет сюжето-образующую функцию для романа Дж. Кошубаева.

Но приведенный сюжет имеет прямые аналогии с библейским апокалипсическим мотивом гибели Содома и Гоморры, с другой стороны, появившееся озеро вызывает ассоциации с другим апокалипсическим мотивом – «всемирным потоком».

Таким образом, отчетливая тенденция мотива жертвоприношения (жертвенности) на фоне апокалипсических или преапокалипсических времен становится одной из доминирующих в современной адыгской литературе.

Несмотря на максимальную типологическую обобщенность литературных мифологических образов, которые в большинстве своем тяготеют к архетипическим, лучшие из них избежали схематичности, так же как архетипические мотивы, отраженные в мифо-фольклорных текстах. Это связано, как правило, с достаточно насыщенной художественной детализацией тех и других, органической вовлеченностью в контекст сюжета [2].

Обращенность к вечным сюжетам мирового мифа, фольклора является важнейшим способом современных художников слова, направленным на восстановление нравственного, духовного начала в век тотальной дегуманизации.

Кажется знаменательным, что в сфере литературы выдающиеся художественные произведения, как правило, повторяют поступательное движение всеобщей эволюции, невольно подтверждая ее суть. Исходя из этой идеи, писатель, не «уловивший» этого закона, вряд ли может быть выразителем подлинной жизни, по аналогии с человеком, который пока еще не ощутил счастья. Можно создавать талантливые произведения, находясь в неких промежуточных духовных состояниях, но при этом ничего не сказать о главном – о неуклонном развитии невообразимо богатого мироздания, пафосом которого в литературе может быть оптимизм.

За цикличностью, повторяемостью литературного мифологического хронотопа (будто подтверждающего тезис из Экклезиаста о том, что «нет ничего нового под солнцем»), в творчестве писателей тем не менее обнаруживается намек на поступательность нравственного прогресса. При этом образ Иисуса Христа, центральный в творчестве этих авторов, указывает путь человечеству на его трудном движении к совершенству. Он угадывается скорее как фон, обещание, как некая атмосфера ожидания и надежды.

Список литературы

1. **Бештоков Х.** Каменный век // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2005. № 5. С. 58-117.
2. **Борова А. Р.** Эстетические архетипы адыгской поэзии: генезис и межкультурный обмен. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 206 с.
3. **Гадагатль А.** Память нации. Генезис эпоса «Нарты». Майкоп: Меоты, 1997. 400 с.
4. **Голосовкер Я. Э.** Логика мифа. М.: Наука, 1987. 218 с.
5. **Емкуж М.** Всемирный потоп. Нальчик: Эльбрус, 1994. 126 с.
6. **Емкуж М.** Ночь Кадар, или Который справа. М.: Пик, 2009. 368 с.
7. **Кошубаев Дж.** Абраг. Нальчик: Эльбрус, 2005. 190 с.
8. **Кук Н.** Черная гора. Майкоп: Качество, 1997. 114 с.
9. **Хакуашева М. А.** Мифологические образы и мотивы в фольклоре, литературе и искусстве. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2014. 172 с.
10. **Чуяко Ю.** Сказание о Железном Волке. Майкоп: Адыгское книжное издательство, 1993. 384 с.

NEO-MYTHOLOGISM OF MODERN ADYGHEAN LITERATURE

Khakuasheva Madina Andreevna, Doctor in Philology
Kabardian-Balkarian Institute of Humanities Researches
dinaarma@mail.ru

Borova Asiyat Ruslanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
assbora@mail.ru

The article raises an important problem of the assimilation of myth-folkloric images and motives both of national and world heritage by modern national literatures (by the example of Adyghean literature). It concerns mostly the motive of sacrifice and its similar versions. The key motives of novels-myths, a new trend in modern Adyghean literature, are sacrifice, pre-Apocalypse and Apocalypse, very popular within the world folklore and literature. Such tendency should be considered as a response to the objective challenges of the XX and XXI centuries.

Key words and phrases: myth; folklore; novel-myth; story-parable; sacrifice; motive; image; plot.

УДК 8; 1751

В статье рассматривается государственная политика Вьетнама в регулировании интернет-средств массовой коммуникации. Автор изучает 2 способа государственного контроля над сетевым пространством Вьетнама: технический и правовой. Особое внимание акцентируется на ограничении свободного слова во вьетнамских интернет-газетах и на наказании правительством вьетнамских журналистов, вышедших за предел разрешения.

Ключевые слова и фразы: интернет-средства массовой коммуникации; сетевое пространство; интернет-газеты; интернет-цензура; кибердиссиденты; блокировка сайтов.

Чан Зун

Российский университет дружбы народов
zuuchan87@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ИНТЕРНЕТ-СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Правовое регулирование Интернета во Вьетнаме происходит на нескольких уровнях правительства. Сначала Национальное собрание Вьетнама принимает ряд решений и постановлений по вопросам информационной политики. Затем Министерство финансов, Министерство почты и связи, Министерство культуры и информации со своими полномочиями издают соответствующие акты, касающиеся Интернета. Эти основные министерства часто сотрудничают в вопросе регулирования Интернета. В таких особо значимых вопросах, как управление интернет-агентствами (например, интернет-кафе), будут участвовать и Министерство общественной безопасности, и Министерство планирования и инвестирования [8]. Кроме того, администрации провинций и городов тоже имеют право контролировать интернет-услуги, если речь идёт о таких общественных услугах, как интернет-кафе, торговые центры с *Wi-Fi*. Наконец, государственные компании провайдера, принимая указы от руководства, уже будут заниматься вопросом функционирования интернет-инфраструктуры. Таким образом, контроль над доступом в Интернет и его содержанием может происходить через законодателей, министерские решения или с помощью правил, созданных руководством поставщиков интернет-сервиса.

Как результат, интернет-цензура во Вьетнаме блокирует доступ к вебсайтам с критикой правительства Вьетнама, сайтов экспатриантов нелегальных политических партий и международных правозащитных организаций. Интернет-полиция берёт на себя ответственность по контролю за интернет-кафе, а также за решения по преследованию кибердиссидентов.